

ГОРОД

18+

ДАВИД БОСС ⚡ АЛЕКСАНДР ЛИ

ПОРОКОВ

ВЫШИБАЛА

Александр Ли
Давид Босс
Вышибала
Серия «Город Пороков»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8885166
Вышибала / Давид Босс, Александр Ли.: Эксмо; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-76341-2

Аннотация

В Бейсин-Сити практически каждый день происходят настолько жуткие события, что тамошние жители именуют его Городом Пороков. Бывший боксер Фил Роули работает вышибалой в стриптиз-баре. Он случайно убивает Алекса Донована, брата председателя верховного суда. Замешанная в этом преступлении Алиса, супруга судьи, помогает Филу замести следы. Они сжигают труп Алекса в крематории. Алиса не хочет возвращаться к мужу, она ненавидит его. Но шпионы Донована выслеживают обоих. Филу удастся спрятаться в Башне Старого Города, в зоне влияния проституток. Но именно к этой башне судья Донован давно протоптал тайную и порочную тропинку... Даже если чаша терпения Господа переполнится и ангелы вострубят, то здесь, в Городе Пороков, их никто не услышит...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	13
3	16
4	20
5	23
6	26
7	31
8	38
9	49
10	59
11	64
12	75
13	78
14	81
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Давид Босс, Александр Ли Вышибала

© Босс Д., Ли А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть первая

1

По средам и пятницам в баре «Глубокая глотка» идет стриптиз-шоу. Сегодня пятница, и мне опять всю ночь стоять у входа. В подмышечной кобуре – девятимиллиметровая «беретта», на поясе – наручники, электрошокер и газовый баллончик. Грудь прикрывает бронежилет.

Мистер Джулиан Демпси, хозяин «Глубокой глотки», настаивает, чтобы я обязательно брал с собой и резиновую дубинку. Два года назад парень, который служил тут вышибалой до меня, ткнул шокером одного зарвавшегося убудка, и тот мгновенно скопытился. Если бы наглец просто получил дубинкой по голове, то наверняка выжил бы. Старый дурак Демпси пожалел денег на взятку полиции, в результате беднягу вышибалу посадили, а я получил его место.

До открытия остается минут пять, и я занимаю привычное место. Сквозь стеклянную дверь видна Стейт-стрит, затянутая мутной пеленой дождя. В глянцевом черном асфальте отражаются бесчисленные фонари и огни рекламы. Мчат мокрые машины, с шипением вспарывая длинные лужи.

В перспективе улицы едва угадывается угловатое здание с высокой трубой – крематорий Первого городского кладби-

ща, расположенного чуть поодаль. Дождливая мгла полнится прелой сыростью улицы, бензиновой гарью и, как мне кажется, едва уловимым смрадом сжигаемой плоти.

Я привычно осматриваю свое отражение в зеркалах фойе. Для завсегдатаев «Глубокой глотки» я наверняка выгляжу устрашающе. Выпирающий квадратный подбородок, широкие скулы, бритый наголо череп в мелких шрамах. Шесть с половиной футов роста, триста фунтов живого веса и кулаки чуть меньше баскетбольных мячей. Все-таки двенадцать лет профессионального бокса накладывают свой отпечаток. Если бы на том проклятом поединке в «Мэдисон-холле» промоутер турнира не подложил мне такую свинью, то я наверняка боксировал бы и поныне.

Тем временем к входу подкатывают первые машины.

– Черт тебя дери, Фил!

– Фил, привет!

– Как ты всех нас затрахал, Фил!

Публика у нас – законченные подонки без прошлого, настоящего и будущего. Бездельники, существующие на вэл-фер. Этого пособия, которое им выплачивает штат, вполне хватает не только на жизнь, но и на визиты в «Глубокую глотку». Наблюдая стриптиз в окружении таких же неудачников, они ощущают себя вполне успешными джентльменами, а не тем законченным дерьмом, каковым на самом деле и являются. Да и алкоголь тут едва ли не самый дешевый во всем Бейсин-сити.

А вот и наша Кейт, двадцативосьмилетняя девушка с силиконовой грудью и уставшими глазами. В стриптизе она с пятнадцати лет, премудрости этого ремесла знает не хуже, чем я – тонкости бокса. Кейт никогда не начинает шоу раньше чем через полтора часа после открытия заведения. Ни один мужчина, придя с промозгой улицы в тепло бара, не начнет сразу засовывать в трусики танцующей стриптизерши свои захватанные пятерки и десятки. Для этого ему необходимо как следует пропитаться атмосферой порока, тягучей и сладкой, как облако сливочного мороженого.

Сегодняшний вечер начинается так же, как и сотни подобных. Негромкий, пока еще трезвый гомон мужчин, мелодичное позвякивание посуды, дружеские похлопывания по плечам, вопросы, восклицания...

Я по-прежнему стою у входа, контролируя одновременно улицу и бар, который мне прекрасно виден через зеркала фойе. Публика потихоньку наливается спиртным. Реплики звучат громче, шутки становятся все раскованней, жесты – развязней.

Наконец динамики на стенах тяжело вздрагивают, и замкнутое пространство заполняется щемящим золотым блюзом. Томно вздыхает тенор-саксофон, чувственно вздрагивает перкуссия, вкрадчивый контрабас шелестит, словно шелковое белье девственницы.

На танцполе появляется Кейт. Она в стильном атласном платье с золотистым отливом. Кейт с грациозностью газели

движется в такт музыке. Ее улыбка обворожительна, а влияние упругого зада возбуждает даже меня. Мужчины отставляют недопитое пиво, немигающе пялятся на красотку и причмокивают языками.

Я могу в деталях рассказать, что произойдет дальше. Минут семь-восемь Кейт будет снимать с себя платье. Затем минуты четыре – кружевной бюстгальтер. Потом, артистически улыбаясь этим скотам, она пройдет между столиками. Мужчины начнут слюнявить эти бумажки и наперебой совать их ей в прозрачные трусики, стремясь прикоснуться потными руками к выбритому лобку. Лишь после полуночи в наш бар набегут проститутки из Старого города. Разомлевших клиентов проще всего укатать между часом и двумя ночи.

Тут боковым зрением я фиксирую нечто странное. К подъезду бара важно причаливает огромный черный лимузин с наглухо задернутыми занавесками. В нашем районе такие машины появляются нечасто. Выбегает водитель в ливрее, раскрывает зонтик, почтительно распахивает дверку...

Сперва из лимузина выходит щеголеватый брюнет в светлом плаще, напоминающий одновременно и гангстера, и лакея. Его хищное бледное лицо с тонкими усиками под горбатым носом кажется мне знакомым. Он склоняется к открытой дверце, подает руку спутнице.

Я не верю своим глазам. Наверное, это голливудская кинозвезда, не иначе. Античный профиль, золотые волосы,

роскошное вечернее платье, бриллиантовое кольцо. В фигуре, движениях, в каждой складке платья ощущается женщина высшей пробы. Такие особы иногда выходят из «Роллс-Ройса» и шагают по алой ковровой дорожке к освещенному подъезду здания, где начинается кинофестиваль. Под руку их поддерживают мужчины в смокингах. За плечами этих дам развевается едва различимый шлейф духов.

Что эта парочка собирается делать в нашей забегаловке? Главное – кто они?

Похоже, молодая леди в ссоре со своим спутником. Они о чем-то ожесточенно спорят, но о чем именно, я так и не слышу из-за двери, лишь пытаюсь угадать по жестам и мимике. Кажется, женщина хочет прогнать щеголя. Дождь струится по огромному черному зонту, который водитель удерживает над их головами.

Лимузин отъезжает, парочка приближается к дверям. Я открываю. Они проходят, даже не взглянув на меня.

Неожиданно блондинка оборачивается к спутнику и произносит с вызовом:

– Кто вместо Джеки? Да хоть первый встречный! Я обязательно это сделаю! Только не забудь потом рассказать своему подлецу брату!

Похоже, она немного пьяна. А вот спутник ее сосредоточен и напряжен, словно взведенная пружина. Я почти физически ощущаю, что сорваться мужчина может в любой момент, всматриваюсь в его лицо. Однако он узнает меня пер-

ВЫМ:

– Как же ты, Фил Роули, низко пал! До вышибалы дока-
тился, не так ли?! – Он тычет пальцем мне в грудь.

Этот жест я не выношу органически и с трудом сдержива-
юсь, чтобы не зарядить ему своим коронным апперкотом в
подбородок. Алекс Донован – конечно же, это он. Промоу-
тер того злосчастливого турнира в «Мэдисон-холле», человек,
поломавший мне жизнь.

В заключительном поединке с никому не известным но-
вичком ставки на мою победу были семнадцать к одному. Но
выиграл новичок. Так захотели боссы подпольного тотализа-
тора. Снотворное в сок перед боем, грязный бокс соперника
и еще более мерзкое судейство. В результате я выстоял лишь
четыре раунда. И жизнь моя покатила по наклонной. За
этим стоял он, Алекс Донован. Я узнал обо всем слишком
поздно.

– Шоу уже началось, – отвечаю я абсолютно индиффе-
рентно.

Кейт плывет между столиками, то и дело присаживается
на колени мужчин. Те постепенно заводятся. Минут через
сорок появятся проститутки.

– Оставь в покое этого парня, – произносит блондинка
спокойно и властно. – По крайней мере, он честно зарабаты-
вает свой хлеб. В отличие от твоего братца.

Пружина, взведенная в Доноване, срабатывает мгновенно.
Он с оттягом бьет женщину по лицу. На ее щеке тут же

вспыхивает алое пятно.

Ненавижу, когда бьют женщин. Особенно красивых и при мне. Тем более если это делают такие ублюдки, как Алекс. В подобных случаях сознание мое отключается, кулаки начинают жить собственной жизнью.

Хук левой приходится точно в скулу. Алекс коротко вскрикивает, распяливает рот, выпучивает глаза и тут же получает мощный джеб в шею. Он инстинктивно поднимает руку, пытается отступить, и я добиваю его коронным апперкотом. Этот удар приходится точно в висок.

Донован лежит на полу, ногами к входу. Кровь, стекающая из уголка рта, расплзается на лацкане его пижонского плаща. Левая рука нелепо подвернута назад. Глаза немигающе смотрят в заплеванный угол.

– Ты убил его, – тихо произносит леди.

– Превышение необходимой обороны, – непослушными губами шепчу я, пытаюсь собраться с мыслями.

– Его старший брат – сам Джеки Донован. Он найдет тысячу способов отправить тебя на электрический стул. Этот Джеки – страшный человек и... мой муж.

Тут передо мной наплывом появляется лицо леди. Она прекрасна настолько, что я на секунду забываю, что только что убил человека. В ее глазах нет затравленности и страха – только тоска и боль.

– На улице не было ни единого человека, так что нас никто не видел, – произносит она на удивление ровным и яс-

ным голосом. – Публика в зале пялилась на стриптизершу, им было не до нас. Подними его и затащи в какую-нибудь каморку. Я тебе помогу.

2

Чрево печи крематория злобно гудит раскаленным газом. По шершавым стенам и переплетениям труб пляшут кровавые блики пламени. В антрацитной полутьме белеет лицо оператора печи – маленького горбуна с печальными глазками и удивительно широкими ладонями. Он ловко укладывает в гроб тело Алекса Донована и толкает его на резиновую ленту транспортера.

Левая часть головы Алекса перемазана кровью. Наверное, я раздробил ему височную кость. Мистер Джулиан Демпси зря настаивает на резиновой дубинке как на безопасном оружии. Я могу отправить человека на тот свет одним ударом кулака. Я ведь сам по себе оружие.

– Вот деньги. – Миссис Донован протягивает горбуну пачку купюр.

Выглядит она очень спокойно – словно всю жизнь только тем и занималась, что сжигала убитых в крематории Первого городского кладбища. После моего рокового удара в голову Алекса она действовала весьма хладнокровно. Побегала под дождь, поймала такси и куда-то уехала.

Не успел я затащить мертвеца в подсобку и утереть пятна крови в углу, как у служебного входа встал автокатафалк с горбуном за рулем. Теперь, спустя каких-то полчаса, то, что недавно было мистером Алексом Донованом, лежит в дере-

вянном ящике, который сейчас отправится в жерло газовой печи.

Котельная полнится плотным, шершавым смрадом сгораемого газа. Он причудливо переплетается с ароматом духов моей спутницы, сладковатым и дурманящим, словно у тропических цветов.

Горбун ловко пересчитывает деньги, кивает и нажимает кнопку на пульте. Зловеще скрипят катки, хищно урчит двигатель, и безразмерная лента с гробом медленно вползает в двухстворчатый шлюз.

– Надеюсь, это останется между нами, – ровным голосом напоминает миссис Донован.

– Я бы сделал для вас это и без денег, – отвечает горбун, внимательно наблюдая за тем, как гроб исчезает в разверзшемся жерле. – Я обязан вам тем, что еще жив.

Я ощущаю легкое головокружение, будто пропустил хук. Атмосфера в котельной невыносима. Зловоние сжигаемой плоти забивает мне ноздри. Надо срочно глотнуть свежего воздуха, иначе я сдохну.

Миссис Донован смотрит на часы.

– Ты отсутствуешь на работе уже более получаса, – констатирует она спокойно и властно. – В «Глубокой глотке» могут хватиться в любой момент. Тогда у тебя не будет алиби.

Мы выходим во двор крематория. Слева, за забором, темнеют огромные кресты, удивительно похожие на виселицы. Справа, по Стейт-стрит, проносятся табуны автомобилей.

Дождь усиливается. Мутные потоки несутся по тротуару, с ревом исчезают в решетках канализационных сливов. Холодные крупные капли лупят по моей бритой голове, стекают за шиворот.

– Вот тебе зонтик. – Миссис Донован протягивает мне тяжелый черный цилиндр в шелестящем чехле, неуловимо напоминающий пистолетный глушитель. – Не надо, чтобы у тебя на работе знали, что ты мок на улице.

– Как я смогу его вернуть?

Она протягивает мне визитку и говорит:

– Позвони завтра вечером, если будешь свободен.

На визитке значится: «Алиса Донован, психоаналитик».

3

Я честно стою у входа в «Глубокую глотку» до самого утра и думаю о ней, Алисе Донован. О ее прекрасном профиле, золотых волосах, трогательной ямочке на подбородке. Я пытаюсь воскресить в памяти аромат ее духов, шелест платья и тембр голоса. Я пытаюсь понять, что же привело ее в «Глубокую глотку» вместе с Алексом, почему она так спокойно отреагировала на смерть брата своего мужа и решила помочь мне? Что же, черт возьми, означают загадочные слова о первом встречном?

Тем временем все вокруг меня происходит по привычному сценарию. После окончания стриптиза в бар слетаются проститутки из Старого города. Они все на одно лицо, молодые хищницы с накладными ресницами, в разноцветных париках. Затем появляются девочки-подростки – торговки презервативами, энергетиками и виагрой. Они завистливо смотрят на проституток, обсуждают их косметику, платья и ежедневные заработки.

У Кейт сорок пять минут отдыха. Она идет в свою раздевалку, по пути спешно достает из сумочки коктейльную трубочку. Кейт – кокаинистка со стажем. Говорит, что без этого давно бы сошла с ума.

Вскоре появляется наш босс, Джулиан Демпси – улыбчивый лысый толстяк, в прошлом помощник шерифа. Он про-

фессиональным взглядом оценивает зал, прикидывая, сколько сегодня оставил тут каждый посетитель.

– Как дела, Фил? – Демпси с подчеркнуто простецкой улыбкой похлопывает меня по плечу. – Много сегодня челюстей поломал?

– Как обычно, мистер Демпси. – Я дежурно улыбаюсь в ответ. – Все как обычно.

Кажется, моего получасового отсутствия тут никто не заметил. Я даже успел вытереть голову, сменить рубашку с брюками. Свеж и чист, будто бы никуда и не выходил.

Тяжелее всего приходится после трех часов ночи, когда клиенты и проститутки покидают комнаты свиданий на втором этаже. Кто-нибудь обязательно отказывается платить, кто-то норовит сунуть фальшивую купюру, а кто-то – и во все удрать, оставив девушку без заработка. Так что без мордобоя или даже пистолетной пальбы обычно не обходится.

Проститутки из Старого города – боевые девчонки. Каждая умеет за себя постоять. Иначе им не выжить. У любой в сумочке как минимум один ствол.

Вот тут мне и приходится покидать свой пост и подниматься в номера, чтобы утихомирить самых буйных. На этот раз все обошлось относительно спокойно. Я всего лишь пару раз врезал в скулу одному обдолбанному наркоману.

А внизу меня уже ждет Джулиан Демпси. Вид у него такой сосредоточенный, будто бы он потерял всю сегодняшнюю выручку.

– Фил, у меня в кабинете двое копов. Они очень хотят поговорить с тобой о чем-то важном. За то время, что я отсутствовал, у нас тут ничего не случилось?

– Все как обычно, мистер Демпси, – отвечаю я с успокоительной интонацией. – Все как обычно.

Копы выглядят явно встревоженными. Один, гориллоид угрюмого вида, сидит в кресле хозяина, механически помещая ложечкой чай. Второй, невзрачный ушлепок, примостился на подоконнике в позе детектива из дурацкого сериала.

Гориллоид протягивает мне две фотографии. На одной – Алекс Донован, на другой – Алиса.

– Эти люди сегодня были у вас. Мы знаем это наверняка. Вы их видели?

Не стоит отрицать очевидное. Ведь это может подтвердить водитель лимузина. Наверное, он и рассказал полицейским, что отвез пассажиров именно в «Глубокую глотку».

– Да, сэр. Они подъехали на огромной черной машине.

– Что они тут делали?

– Машину с водителем отпустили, затем постояли в фойе, немного посмотрели стриптиз, вызвали такси и куда-то уехали. Наверное, им не понравилось.

– Они о чем-то говорили?

– Да, сэр.

– О чем именно?

– Я не прислушиваюсь к разговорам наших клиентов, сэр.

С подоконника поднимается невзрачный ушлепок.

– А почему это у тебя костяшки пальцев так сбиты? – Он подозрительно щурится на мои руки. – И кровь совсем свежая.

– Я работаю тут вышибалой, сэр. Публика не всегда адекватна. Иногда приходится прибегать к насилию, как, например, только что. Но все в рамках закона!

– Ладно, мы тебе верим. – Гориллоид складывает фотографии в папку. – Но скажи, ты не заметил ничего подозрительного?

– Эта парочка вела себя адекватно и ничего предосудительного не совершала, – отвечаю я как можно спокойней. – Что-то случилось, сэр?

– Случилось! – В его взгляде проступает интеллект молодой торговки виагрой.

Этот коп даже взятки не берет, чего явно нельзя сказать о его напарнике.

– Еще как случилось. Это жена и брат Джеки Донована, председателя Верховного суда нашего штата. Они должны были вернуться домой еще полтора часа назад. Телефоны отключены, на связь не выходят. Получается, ты был последним, кто видел их живыми. Сам знаешь, что у нас за район. Сюда очень легко попасть, но вот выбраться обратно можно не всегда. Ладно, парень. Если что-нибудь вспомнишь – не считай за труд, сообщи нам в участок.

4

Жаркий вечер, почти ночь. Я сижу в своей старенькой машине. Кондиционер давно сломан. Чертовски хочется пить. Я не могу даже выскочить в ближайшую лавочку за минералкой, чтобы не разминуться с миссис Донован, хочу увидеть ее как можно быстрее.

Я позвонил ей полтора часа назад. Она назначила встречу на набережной, напротив второго пирса. Место малолюдное, с множеством темных переулков. Из одного из них и должна появиться Алиса.

Вечерняя набережная безлюдна. Камни, нагретые за день, источают жар. За темными деревьями слева светится Бельвю – единственный приличный район нашего города. Наверное, она живет именно там. Человеку, обитающему в любом другом районе нашего поганого Бейсин-сити, не на что надеяться в жизни. Справа, у пирса, белеет списанный теплоход, до которого давно никому нет дела.

Я прекрасно понимаю, что наша встреча не ограничится возвращением зонтика. Его запросто можно было отослать и по почте или вовсе не отдавать – у нее таких зонтиков сотни. Никакая женщина не станет назначать встречу в половине девятого вечера, чтобы забрать такую мелочь. А тем более в темном и малолюдном месте.

Алиса опаздывает на пятнадцать минут, выходит из такси

на остановке, поспешно поправляет волосы. Ее прекрасный профиль хорошо освещен. Спустя минуту она усаживается в мою машину.

– Поехали, – произносит женщина торопливо, даже не поздоровавшись.

– Куда?

– На пирс, к теплоходу.

Удивительно, но я повинуюсь, не спрашивая, почему именно к теплоходу, даже не напоминаю о зонтике. В теперешней ситуации любые мои реплики прозвучат просто нелепо.

Сходни уже спущены. Нас встречает какой-то вертлявый малый, по виду – сторож. Ни слова не говоря, он проводит нас на палубу, дает Алисе ключи от каюты и незаметно удаляется.

Теплоход давно стоит на вечном приколе, но каюта ухожена. В ней хорошая мебель, свежее белье, букет цветов в вазочке. Сквозь мутноватый иллюминатор видна набережная. Волны ритмично бьются о камни. Водяная пыль распахивается радужными веерами в лучах прожекторов, осыпается на блестящую гальку.

Я смотрю на нее, а она – на меня. Пристально, не мигая. Ее голова чуть склонена налево, матовая кожа источает манящее тепло, золотые волосы небрежно раскиданы по плечам. Я явственно ощущаю аромат ее духов, сладкий, дурманящий, гипнотический.

Она быстро подходит почти вплотную ко мне. Я переживаю момент естественной неловкости, почему-то вспоминаю о зонтике, но он остался в машине. Хочу рассказать о визите копов в «Глубокую глотку», расспросить ее о многом.

Но Алиса не дает произнести ни слова, обнимает меня за шею и говорит:

– Ты нужен мне. Я хочу тебя. Ты мой первый встречный!

У меня было немало женщин. У спортсменов их всегда много, а у боксеров – особенно. Женщины любят проявления грубой физической силы. Рельефные бицепсы, оголенные торсы, огромные кулаки. Женщины любят победителей. У меня сорок две победы, из них тридцать девять – чистым нокаутом. Мне было из кого выбирать.

Одни мои женщины были красивы, другие – умны, третьи – богаты, четвертые – доступны. Однако их всегда выбирал я, Фил Роули. Никогда прежде не было, чтобы женщина поманила меня пальцем и я пошел за ней безоглядно, ни о чем не задумываясь.

Мы лежим на огромной кровати в центре каюты. Глубокая вечерняя тишина ощущается во всем огромном корабле. Мы полностью обессилены, у нас не осталось сил даже пошевелиться. Мы любили друг друга яростно, щедро и будем заниматься этим еще, до самого утра. Только надо немного прийти в себя.

– А я знаю, что ты хочешь спросить, – произносит Алиса тихим и ясным голосом. – Что значит «первый встречный», правильно?

– Да.

Алиса приподнимается на локте. Тень накрывает половину ее лица словно козырек.

– За Джеки я вышла замуж в девятнадцать. Я не хотела этого брака, настояли мои родители. Я никогда не любила этого жестокого, мстительного и продажного скота. Иногда он даже поднимает на меня руку. Но я смирилась бы даже с этим, если бы он мне не изменял с проститутками последнего пошиба. Об этом знали все, даже Саманта, наша дочь. Но я не верила в его измены... до вчерашнего дня. Пока случайно не узнала, что он постоянно встречается с проститутками из Старого города. В «Башне», ты наверняка знаешь это место. Я вспылила, пообещала ему переспать с первым же встречным, хлопнула дверь и ушла из дома. Алекс бросился меня догонять. Я хотела оказаться в самом гнусном притоне самого отвратительного района. Остальное ты знаешь.

– Но почему именно я?

– У тебя честные глаза. Открытый лоб. В тебе ощущается надежность и уверенность, а еще – первобытная мощь, не растроченная для любви. Я ведь не просто женщина. Я еще и психоаналитик. Я очень хорошо разбираюсь в таких вещах, поверь мне.

Я смотрю на часы: уже половина третьего. Неужели мы любили друг друга так долго?

– Твой муж может искать тебя.

– Я сказала, что хочу немного пожить отдельно. Мол, нам надо отдохнуть друг от друга. Он не возражал. Но, наверное, его люди все равно будут отслеживать каждый мой шаг. Сейчас им, правда, не до меня. Все они ищут Алекса. Пусть!..

– Кто тот горбун в крематории?

– Мой друг, один из немногих в этом городе. Четыре года назад его обвинили в убийстве, которого он не совершал. Мне удалось по своим каналам замять дело. Он поклялся мне в верности и никому ничего не расскажет.

– Но почему бы тебе не развестись с мужем?

– Долго рассказывать. И вообще, я не хочу о нем говорить сегодня. Иди лучше ко мне.

Мы спускаемся со сходней в половине седьмого утра. Над заливом клубится туман – серый, словно живой. Алиса бледна, движения ее заторможены, на лице застыла странная улыбка.

– Не надо меня никуда подвозить, я вызову такси, – произносит она.

– Мы еще встретимся?

– Наверное.

– Когда?

– Завтра... или послезавтра. Как получится. Только ты не ищи меня. Я сама тебе позвоню.

6

Она не звонит мне ни завтра, ни послезавтра, ни в течение всей следующей недели. Я несколько раз хочу позвонить ей первым, но тут же вспоминаю свое слово. Не надо нарушать обещания, особенно те, которые даны после ночи любви. Да и навязывать себя тоже не стоит.

Прекрасная и загадочная Алиса всецело завладевает мною. Я хожу словно во сне, теряю аппетит и ощущение времени. Вскоре я начинаю подумывать, не принял ли за действительность один из своих фантастических снов. Я даже еду на набережную, ко второму пирсу, чтобы убедиться в существовании старого теплохода.

Я живу только воспоминаниями о той ночи, воскрешаю в памяти мельчайшие детали и самые незначительные подробности. Вскоре эти воспоминания становятся для меня навязчивой потребностью. Я думаю об Алисе днем, ночью, утром, вечером, на дежурстве в «Глубокой глотке», по дороге домой, в придорожном кафе, где обычно обедаю. Я пытаюсь воскресить в памяти ее лицо, запах, интонации. Мне кажется, что иногда у меня это получается.

Тем временем вокруг моей персоны начинают происходить странные вещи. Мой почтовый ящик кто-то взламывает, хотя там никогда ничего не бывает, кроме рекламных буклетов. Я нахожу открытой свою машину, хотя прекрасно

помню, что запирали ее накануне.

Однажды, вернувшись домой, я обнаруживаю, что там все перевернул вверх дном какой-то ублюдок. Створки шкафа раскрыты и сорваны с петель, вещи разбросаны, на столе – грудa старых счетов да засаленная записная книжка. Попадись мне на месте тот, кто это сотворил, – его дурная башка треснула бы в моих руках, как перезрелая тыква.

Как-то утром, после пятничного стриптиза, Кейт приглашает меня в раздевалку – мол, на пару слов. Вид у нее значительный и серьезный. Мы давние друзья. Я знаю, что Кейт никогда не станет морочить мне голову понапрасну.

Она плотно закрывает за собой дверь, садится напротив и произносит шепотом:

– Фил, я никогда не стала бы тебе говорить, но тобой вроде интересуются копы.

– С чего бы вдруг?

– Тебе видней. Сегодня утром ко мне ввалился детектив. Довольно мерзкий тип, такой блондин с рваным шрамом на щеке. Ты его наверняка видел у нас. Он долго расспрашивал о тебе.

– И что же его интересовало?

– Абсолютно все. Где живешь, с кем дружишь, кого трахаешь, употребляешь ли наркоту, а если да, то какую. Я его, конечно, послала подальше, но будь осторожен.

– Я всегда осторожен.

– Фил, скажи честно – ты опять вляпался в какое-то дерь-

мо?

– Я вляпался в дерьмо уже в тот самый момент, как появился на свет.

– Смотри. Я тебя предупредила. Может случиться всякое. Ты сам знаешь, какая у нас тут полиция.

Копы в нашем городе – законченные негодяи. Все как один. А уж тот блондин со шрамом – вообще закоренелая мразь. Год назад он проходил по делу о растлении шестилетнего мальчика, но скандал замяли.

Тут наверняка не обошлось и без Джеки Донована. Председатель Верховного суда – самый могущественный человек штата. И самый богатый. В Бейсин-сити он имеет процент со всего, что приносит доход. С мафии, с наркоторговли, с проституток, с подростковых банд. Даже с полиции. На суде тот блондин наверняка мог сдать Джеки набежавшим репортерам. Дешевле было отмазать этого подонка, подкупив присяжных и прокурора.

На следующий день я и впрямь замечаю за собой слежку. Выхожу из подъезда и натываюсь на колющий взгляд, устремленный в меня. Конечно, это не блондин. У того слишком приметная внешность для соглядатая. Этот совсем неприметный, встретишь на улице и через минуту забудешь. Голова, косо срезанная черным беретом, серая куртка, потертые джинсы. Только взгляд у него очень запоминающийся, острый и цепкий, словно собачьи клыки.

Вечерние сумерки наливаются мазутной темнотой. Туск-

ло отсвечивает влажный асфальт, горячий ветер несет по переулку бумажный мусор и опавшие листья. Я иду к своей машине. В бликующем лобовом стекле отражается арка позади, и на ее фоне – выразительный силуэт соглядатая.

Я не просто спокоен, но даже рад. Значит, Алиса Донован действительно мелькнула в моей жизни. Ее визит в «Глубокую глотку», крематорий, восхитительная ночь на теплоходе – все это не было сном. Иных причин следить за мной у копов и быть не может.

Я завожу двигатель, разворачиваюсь и неторопливо выезжаю с паркинга. Следом за мной катит желтый фургон, в каких обычно развозят пиццу. За рулем – тот самый тип в берете. Рядом блондин, который у них наверняка старший.

Главное сейчас – не показать преследователям, что я засек слежку. Я спокойно выезжаю на Рейнджерс-стрит, кое-где перечеркнутую неоновой рекламой, пристраиваюсь за огромной фурой и еду так несколько миль, то и дело посматривая в зеркало заднего вида. Желтый фургон не отстает, но и не обгоняет, держится ярдах в тридцати позади меня. Я выкатываю на горб путепровода, проскакиваю под грохочущей аркой железнодорожного моста.

Улицы пустынно. В такое время люди обычно сидят по домам, опасаясь уличных банд. Лишь кое-где на фоне серых стен вздыбливаются огромные тени, да изредка в переулках чиркают проблесковые маячки полицейских машин.

Вскоре преследователи начинают раздражать меня. Нет

смысла изображать, что я ничего не вижу. Поэтому я вжимаю в пол педаль газа, закладываю вираж на площади, рву через узкий переулок и выскакиваю на Стейт-стрит. Фургон преследует меня неотрывно. На подъезде к Первому городскому кладбищу я включаю левый поворот, но резко сворачиваю направо, в темный узкий переулок. Водитель фургона не покупается на уловку – катит за мной словно приклеенный.

Я не знаю, что им от меня надо. Может, копы просто хотят отследить мои маршруты, похитить и пытать, просто убить? Мне во что бы то ни стало надо нанести упреждающий удар и выяснить, что у них на меня есть.

Я стою в темной грязной комнате на последнем этаже давно заброшенного дома. Сквозь разбитое окно прекрасно просматривается ночная панорама Старого города. Несколько кварталов аккуратных домиков позапрошлого века, с чистыми улицами, горящими фонарями и ухоженными клумбами. Из-за гребенчатых крыш со стороны Луна-парка доносится легкая музыка. Крутятся карусели, украшенные гирляндами разноцветных лампочек, аттракционы манят переливчатым неоновым рекламой. Ветер колышет огромные надувные шары на высоких шестах.

Я не зря привел сюда своих преследователей. Старый город – самое жуткое и отвратительное место Бейсин-сити. Тут обитают исключительно проститутки, которым и принадлежит в районе вся власть. Мафии и полиции сюда соваться не стоит. Их в лучшем случае перестреляют. Если копы осмелились преследовать меня до Старого города – значит, у них действительно есть что-то серьезное.

Я подхожу к окну, осторожно выглядываю вниз. Желтый фургон пристроился неподалеку от моей колымаги. Ни блондина, ни малого в берете рядом нет. Значит, они уже где-то в здании. Подняться на последний этаж незамеченными нельзя. Лестницы и площадки усеяны кирпичным крошевом и битой штукатуркой. Каждый шаг отдается эхом под потол-

КОМ.

Я на всякий случай осматриваюсь, поднимаю обрезок тяжелой водопроводной трубы. То, что надо. Не хочется марать кулаки о таких негодяев. Вдобавок с массивной трубой в руках я чувствую себя много уверенней, готов выстоять даже против пистолетов.

А внизу уже слышны приглушенные голоса:

– Ты уверен, что он тут?

– А куда ему еще деться?!

Голоса все громче, шаги все отчетливей. Кажется, они уже этажом ниже. Или совсем рядом?

Я занимаю место слева от пустого дверного проема и прижимаюсь спиной к стене. Рука сжимает железо до хруста в суставах. Капля пота медленно стекает по лбу, но я не вытираю ее, боюсь пошевелиться. Кровь ритмично приливает к вискам. Незримый насос выбрасывает в нее шипящую струю адреналина. Мне не стыдно за свое волнение. Бесстрашные герои обычно и гибнут по-дурацки. Я не из таких.

Серебристая луна освещает сквозь окно кирпичную стену напротив. Внезапно на ее светлом фоне вырастает отчетливая тень головы, срубленной беретом, и ниже – револьвера, зажатого в обеих руках. Кажется, это «магнум» сорок пятого калибра.

Я знаю, как работают копы в подобных случаях. Сейчас он ворвется в комнатку и резко поведет своим «магнумом» во все стороны, готовый выстрелить в любую секунду. Блондин

будет следовать за ним, прикрывая со спины. Главное – вырубить первого, в берете. Если блондин растеряется, то совладать с ним будет раз плюнуть.

Тень на кирпичной стене неотвратно разрастается. Из соседней комнаты доносятся вкрадчивые шаги, тихое похрустывание битого кирпича под подошвами.

Едва из дверного проема появляется рука с револьвером, я что есть силы бью по запястью обрезком трубы. Оружие летит на пол. Коп даже не успевает вскрикнуть, потому что я выскакиваю и наношу ему трубой сокрушительный удар прямо в ухо. Краем глаза замечаю блондина.

Выстрел!.. Пуля свистит в каком-то миллиметре от моего плеча и с сухим хрустом вонзается в стену за спиной. Я в один прыжок оказываюсь на расстоянии вытянутой руки от лица блондина. Апперкот в скулу отбрасывает его к стене, он судорожно направляет на меня оружие, пытается выстрелить, но не успевает. Несколько хуков в челюсть и длинный прямой в корпус отправляют копа в глубокий нокаут.

Я забираю из его руки пистолет, сую в карман, усаживаюсь рядом и жду. Проходит минут пять, прежде чем блондин приходит в себя. Я встряхиваю копа, поднимаю, прислоняю к стене и что есть силы сжимаю его шею.

– Что вы от меня хотите? – шиплю я ему в лицо.

Блондин очень испуган. Рассчитывать на помощь не приходится. Напарник лежит ничком в дверном проходе, вокруг его головы расплзается темная лужица крови. Я все сильнее

сжимаю шею врага, ощущая, как под рукой нервно дергается хрупкий шершавый кадык.

– Зачем вы меня преследуете?

– Отпусти, – хрипит блондин. – Я скажу.

Я чуть-чуть ослабляю хватку, однако продолжаю контролировать ситуацию.

– Ну?!..

– Мистер Джеки Donovan...

– Что?.. Он приказал за мной следить? Давно? Погром в моей квартире – тоже ваших рук дело?

– Donovan попросил отследить все твои контакты.

– Какие контакты? С кем? Зачем я ему понадобился?

– Я не знаю.

Короткий резаный удар в ухо заставляет блондина дернуться словно от разряда электротока. Он понимает, что я шутить не намерен, и отводит глаза.

– Ты полицейский! – вбиваю я в него слова словно гвозди. – Ты выполняешь незаконный приказ. Судья не имеет права просить тебя отслеживать контакты частного лица без соответствующей санкции. Зачем я понадобился судье?

– Его жена Алиса...

– Что?!

– Мистер Donovan в чем-то подозревает жену.

– В чем именно?

– Он нам не говорил.

Я изо всех сил сжимаю горло подонка и тут же ослабляю

хватку.

– Не заставляй меня тебя пытаться!

– Судья подозревает Алису в убийстве своего брата Алекса. Они давно уже не ладили меж собой – все трое. Алекс исчез, и Джеки Donovan приказал нам проследить за Алисой. Вас видели утром у старого теплохода на втором пирсе.

Собственно, нечто подобное я и предполагал. Я не мог лишь предвидеть, что за Алисой начнут следить сразу же, как только она уйдет из дома.

– Зачем вы полезли в Старый город?

– Мы должны были похитить тебя, допросить с пристрастием и сообщить мистеру Donovanу о результатах.

– А потом отправить меня на тот свет? Да?

– Судья наверняка не оставил бы тебя в живых. Это все, что я знаю. Честно. Я все сказал. Отпусти меня, пожалуйста!

Блондин смотрит на меня с мольбой. Он очень-очень хочет жить. Я его почти обнадежил. Но оставлять в живых этих мерзавцев никак нельзя. Если они выберутся отсюда, то меня можно считать покойником.

Я наконец-то отпускаю его шею. Рука медленно скользит в карман куртки. Рифленая рукоятка «магнума» удобно ложится в ладонь. Предохранитель опущен. Палец на спусковой скобе.

Выстрел звучит куда громче, чем я ожидаю. Блондин вскрикивает и отлетает к стене. Для надежности я стреляю ему в голову. На кирпичной кладке позади копа мгновенно

расцветает клякса из крови и мозга.

Я склоняюсь над типом в берете и вижу, что он мертв. Удар обрезком трубы раздробил ему заднюю часть черепа.

Трупы можно не прятать – в ближайшее время их все равно не найдут. Да и вряд ли кто-нибудь будет искать вообще. Копы не сунутся в Старый город даже под прикрытием полицейского спецназа. Смерть коллег они наверняка спишут на проституток. Мол, покойники нарушили неписаное правило, влезли на чужую территорию.

Уже не таясь, я спускаюсь к своей машине, при этом не испытываю никаких угрызений совести. Мне совершенно не жаль убитых подонков. Над ними наверняка есть кому плакать. А вот надо мной рыдать будет некому.

Я усаживаюсь за руль, и тут в кармане звонит телефон. Номер Алисы.

– Алло...

Мне звонит какая-то девочка и просит, чтобы я срочно подъехал в южный пригород. Мол, так хочет мама.

– Твоя мама – Алиса Донован?

– Да.

– Почему звонишь ты, а не она?

– Я не могу рассказать обо всем по телефону.

– Что-то случилось?

– Вы все узнаете на месте. Мы ждем. Второй коттедж слева от главной дороги, белый дом под черепичной крышей. Я встречаю.

Моя первая мысль – это подстава. Джеки Донован вполне мог запугать дочь, заставить ее позвонить мне с мобильного матери и назвать адрес, по которому меня будет ждать с дюжину головорезов. О дальнейшем лучше не думать.

Однако голос девочки вроде бы прозвучал искренне. Она действительно чем-то испугана. Проверять ее слова нет ни времени, ни возможности. Да и какого черта?! Ведь даже в городе пороков хочется хоть кому-нибудь верить!

8

Утопив педаль газа в пол, я мчусь по ночному Старому городу. На такой скорости я доберусь до назначенного места минут за пятнадцать-двадцать. Этого времени вполне достаточно, чтобы обдумать свои дальнейшие действия. Но размышлять нечего. Если звонок дочери Алисы подстава, то действовать придется по обстоятельствам, полагаться на быстроту реакции и силу.

На обочинах мелькают тусклые огни фонарей, похожие на уставших светлячков. На улицах ни души. Тихо. Моросит мелкий противный дождь. Колеса с шумом рассекают лужи, рассыпая по сторонам сверкающие брызги.

Южный пригород – район относительно спокойный, насколько это вообще возможно в городе пороков. Конечно, до Бельвю, единственного приличного островка безопасности, ему далеко. Но здесь у тебя все-таки есть шансы уцелеть, не быть убитым ради праздного любопытства. Ради того, чтобы понаблюдать, как стекленеет твой взгляд.

Погруженные в полумрак трущобы и сверкающие карусели Старого города закончились. Здания, ветхие и крошащиеся, словно зубы героинщика, остались позади. Еще одна затяжка сигаретой, и они растворяются во мраке.

Я смотрю в зеркальце заднего вида – позади лишь пятна мерцающего неона и блеск асфальта, омытого дождем. В юж-

ном пригороде я был всего раза два или три. Но фотографическая память творит чудеса. Вот нужный поворот налево, поодаль виден второй коттедж. Я резко торможу на перекрестке, не доезжая пары сотен метров. Предосторожность не помешает. Особенно если твоя жизнь не стоит ни гроша.

Я глушу мотор и минуту сижу в полной тишине, оценивая обстановку. Хвоста за мной нет. На пустынной дороге трудно было бы остаться незаметным. Опытным взглядом осматриваю периметр – все чисто. Вдоль дороги тянется ряд аккуратных коттеджей с ровным пунктиром деревьев у обочины и лужайками перед фасадами. В голливудских фильмах в таких домах обычно проживают люди с достатком. Небольшим, но позволяющим считать себя достигшими хоть чего-то в жизни.

Я выхожу из машины, не спеша приближаюсь к забору, окружающему второй коттедж, стараюсь держаться в тени пышных крон. В отличие от Старого города здешний муниципалитет не скупится на освещение. Да и подростковые банды сюда особо не суются. Это территория мафии, ее вотчина.

Люди с деньгами – отличный материал для обложения данью. Мир и спокойствие в городе – не просто слова. За них нужно платить точно так же, как за воду, газ или электричество.

Я оглядываюсь по сторонам, хватаюсь за верхний край забора, подтягиваюсь и бесшумно приземляюсь по ту сторо-

ну. Надо мной возвышается двухэтажное здание. Газон перед ним расчерчен ровными ломтями теней от проходящих рядом электропроводов и высоких деревьев. Крыльцо освещено одинокой лампой. В доме горят лишь окна второго этажа. Дверь приоткрыта.

Я нащупываю за поясом рукоять пистолета. Палец на предохранителе. Тело напряжено, адреналин впрыскивается в кровь. Словно дикий зверь, я пытаюсь уловить малейшее движение, любой шорох поблизости. Если это ловушка Джеки Донована, то замаскирована она искусно. Я в несколько прыжков пересекаю расстояние от забора до дома, проскальзываю внутрь.

На первом этаже ни души. Я стою в просторном холле. Вверх ведет широкая деревянная лестница, оттуда брезжит мягкий свет. Слышен приглушенный женский голос. Это она, Алиса. Я узнал бы ее тембр среди миллиона других.

Медленно поднимаюсь. Одна из ступеней предательски скрипит. Будь здесь засада, я как пить дать уже лежал бы на полу с простреленным животом, корчась от боли. Я поднимаюсь на второй этаж, оказываюсь в узком коридоре. Из-за приоткрытой двери в его конце пробивается полоса света. Я подхожу, прислоняюсь к стене и резко открываю дверь.

– Фил, это ты? Я знала, что так и будет. Все в порядке, расслабься.

Я вытираю капли пота со лба. Мои опасения оказались ложными. Наконец-то я вижу перед собой ту женщину, кото-

рая совсем недавно казалась мне лишь сном. Алиса лежит на широкой кровати, укрытая одеялом. Лампа на ночном столике горит матовым приглушенным светом. Длинные тени, похожие на мазки черной краски, лежат на полу.

– Это хорошо, что все в порядке. Вот только зачем я оказался срочно нужен?

Мой вопрос остается без ответа. Женщины любят выдерживать паузу.

Рядом с кроватью в кресле сидит девушка. Видимо, это и есть ее дочь. Она совсем еще молода. Цветок, только-только начинающий распускать лепестки. Смугловатая кожа с детским пушком на щеках. Голубые глаза смотрят на меня с невинной чистотой, но во взгляде читается опыт и внутренняя зрелость. Она уже знает все, что положено взрослой женщине. Жизнь в городе пороков быстро делает людей взрослыми, избавляет их от лишних иллюзий.

– Это твоя дочь?

– Да. Знакомься, ее зовут Саманта.

Девушка, не произнося ни слова, делает легкий кивок, с нескрываемым любопытством осматривает меня с головы до ног так, будто собирается снять на ночь, оценивает, подхожу я ей или нет. Она сидит у самого ночника, отчего рассмотреть ее внимательно не составляет труда.

Саманте лет семнадцать, может, чуть больше, но выглядит она немного старше из-за яркого макияжа. Стройная гибкая фигура, узкие ладони с длинными пальцами пианистки. Гу-

стые черные ресницы, бросающие тень на слегка выступающие скулы. На щеках у нее едва заметные ямочки. Пухлые губы с блестящей яркой помадой, выдающие ее желание выглядеть взрослой и раскованной. Но при всем этом выражение лица серьезно и сосредоточенно.

Я смотрю на Саманту, не в силах оторваться от этой притягательной красоты. Мужчины слетаются на таких очаровашек, как мухи на мед. Приглашают их в рестораны, покупают дорогие подарки, делают непристойные предложения, страстно целуют и обнимают. А девушки продолжают вести свою коварную игру. Бросают томные взгляды, скромно опускают глаза. Улыбаются обворожительно, робко, в то же время призывно и сбегают в конце вечера, не оставив ни адреса, ни телефона.

Саманта таинственна и проста так же, как сама природа. В ней угадывается божественность Алисы. Королева-мать, принцесса-дочь. Черт возьми, все-таки на моем пути продолжают попадаться шикарные представительницы женского пола. Не каждый может похвастаться таким хоть раз в жизни, а мне вот повезло.

Я нащупываю на стене слева от двери выключатель. Раздается щелчок. Яркий электрический свет заливает комнату.

– Нет, не нужно! Выключи! – Алиса резким движением натягивает одеяло на голову.

Но я успеваю заметить ссадины на ее лице, в один прыжок оказываюсь у края кровати, осторожно отбираю у обес-

силевшей женщины одеяло и осматриваю ее. Синяки на шее, руках и ногах. Похоже, ей крепко досталось.

Во мне поднимается волна возмущения и ненависти, прямо как на ринге. Будь сейчас рядом тот ублюдок, который сотворил такое с моей женщиной, я голыми руками разорвал бы его пополам.

Я сжимаю кулаки и рычу, еле сдерживая себя:

– Кто с тобой такое сделал? Просто назови имя этого негодяя! Я вышибу из него все дерьмо! – Гнев переполняет меня до краев.

Ненавижу, когда бьют женщин. Тот, кто пользуется их беспомощностью, – мразь, достойная самого жестокого наказания. Алиса снова натягивает одеяло до самых глаз и тяжело вздыхает. Даже сейчас, избитая и униженная, она невыразимо прекрасна. Я тону в ее глубоких, полных грусти и боли глазах.

– Это все сукин сын Джеки! Его рук дело. Не думала, что он на такое способен. На меня никогда и никто не смел поднимать руку. Да, я знала, что он подонок, но не подозревала, что Джеки Донован способен так низко поступить со мной. Я его законная жена, он еще очень о многом пожалеет. – Алиса сердито бьет кулачком о край кровати, по ее щеке медленно катится крупная слеза.

Я хватаю женщину в объятия, глажу ее по голове, пытаюсь успокоить.

Она вскрикивает от боли, но когда я ослабляю хватку, го-

ворит мне в ухо:

– Держи меня крепко, Фил. Всегда.

По моим венам проносится электрический разряд, и я страстно впиваюсь в эти губы, способные проклинать и дарить высшее в мире наслаждение. Спустя мучительно долгое мгновение мы останавливаемся, чтобы отдышаться. Алиса без сил опускается на кровать.

Я присаживаюсь рядом, беру ее за руку. Взгляд мой падает на лицо девушки. Ее щеки заливает жаркий румянец, синие глаза возбужденно горят. Внезапно она вскакивает со стула и поворачивается лицом к окну.

– Я ненавижу своего отца! Не-на-ви-жу! – с жаром и отворачиванием по слогам роняет дочь.

– Саманта, дорогая... – лепечет обескураженная Алиса.

– Ты удивлена, что он тебя ударил?! Я долго скрывала, но больше не буду молчать. Этот кусок дерьма несколько месяцев назад начал ко мне грязно приставать!

– Что ты говоришь?! – Признание дочери застало Алису врасплох.

Она с испугом смотрит на нее и спрашивает:

– Почему ты сразу мне не сказала?

Саманта поворачивается к нам. Ее бьет нервная дрожь, злость, обида, жалость к себе и матери. Но она не дает выхода эмоциям, опускает голову, отворачивается к окну. Ей хочется быть сильной. Вся в мать!

Меня разрывает на части от желания отомстить Джеки До-

новану. Я готов сейчас же сорваться с места, найти этого урда и забить до смерти. Двух ударов, думаю, хватило бы.

– Не нужно спешить, Фил, – говорит Алиса, словно читая мои мысли. – Я тебе еще не все сказала. Нас видели вместе на пирсе, у теплохода. Джеки подослал своих людей следить за мной, как только я хлопнула дверью и ушла от него. Глупо все вышло. – В ее голосе слышна досада. – Теперь он подозревает меня в измене. Его самолюбие задето.

– Шансов, что все это закончится хорошо, изначально было мало. Рано или поздно он узнал бы о нас.

– Фил, это тоже еще не все. Муж вдобавок к этому подозревает, что я каким-то образом причастна к таинственному исчезновению Алекса. Я, конечно, сочинила на ходу, что мы после «Глубокой глотки» разъехались по домам. Но он так посмотрел, что у меня холодок по шее пробежал. Я боюсь Джеки. Если правда всплывет на поверхность, нам обойм конец.

– Не стоит драматизировать ситуацию. На любое действие существует ответ. – Я пытаюсь ее успокоить, но и сама понимаю, что наши жизни теперь в смертельной опасности.

Будь это кто-нибудь другой, поводов для беспокойства не существовало бы. Избавиться от человека в городе порока – нет задачи проще. Но председатель Верховного суда способен на многое. Добраться до него не так легко. Он осторожен, всегда окружен охранниками-головорезами.

– Извини меня за эту слабость. Я совсем расклеилась. –

Алиса отворачивается от меня.

Я больше не вижу этих прекрасных глаз – только крупную слезу, которая скатилась по щеке к подбородку. Она вытирает ее незаметно, делая вид, будто поправляет прическу. Женщина с трудом поднимается с кровати, затягивает пояс роскошного атласного халата. Шипя от боли, расправляет плечи и делает несколько шагов.

– Тебе лучше отлежаться, – пытаюсь я остановить ее.

– Расхожусь и буду как новая. Не люблю выглядеть слабой. Несколько ударов кулаком, пусть и крепких, – не самое худшее, что могло со мной произойти.

Я поражен ее стойкостью и силой воли. Не каждый мужчина способен на такое.

Алиса подходит к подоконнику, достает из серебряного портсигара сигарету, глубоко затягивается и выпускает белое облако дыма. Шторы задернуты, между ними лишь узкая полоска. В просвет видны безлюдные окрестности. Если бы Марлен Дитрих снималась в цветном кино, то сцена с ее участием выглядела бы именно так.

Шикарная женщина задумчиво смотрит через окно куда-то вдаль. По стеклу стекают бесконечные струи, размытый свет фонаря бросает на лицо глубокие тени. С улицы едва слышен отдаленный вой полицейских сирен.

Я провожу рукой по безупречной скуле. Она морщится от боли, но прижимается лицом к моей ладони.

– Даже не знаю, почему попросила Саманту позвонить

именно тебе. Впрочем, кому еще? Ты мой первый встречный. Наверное, фортуна в тот вечер забросила меня в эту дыру. Как она называется, кстати?

– «Глубокая глотка», – ответил я внезапно севшим голосом и добавил: – Правильно сделала, что позвонила.

– «Глубокая глотка», – мечтательно протянула Алиса, все так же глядя в окно. – Знаешь, я не могу забыть ту нашу ночь. Кажется, я была счастлива впервые в жизни. Если бы мой муж вдруг исчез, мы были бы самой счастливой парой в этом городе.

Одно из двух: она читает мои мысли либо наши мозги настроены на одну и ту же волну.

Я вдруг вспоминаю о Саманте. Стоит ли ей слышать все эти интимные подробности? По всей видимости, Алису ее присутствие несколько не смущает. Да и сама Саманта, кажется, мыслями отнюдь не с нами.

Я же задумался и даже смутился. Меня переполняет тревога за Алису. Возвращаться к мужу ей никак нельзя. У меня тоже дела – хуже некуда. Люди председателя Верховного суда уже наверняка рыщут по городу в поисках моей шкуры. Так что ни в «Глубокую глотку», ни тем более домой мне возвращаться нельзя.

Единственный выход из скверной ситуации – смерть Джеки Донована. Других вариантов просто нет и быть не может. От этой мысли становится легче. Задача определена. Остается лишь придумать способ ее осуществления.

Любимая женщина и ее дочь требуют моей защиты. Враг не дремлет. Он всемогущ и чрезвычайно опасен. Но я должен справиться. Иначе всех нас ждет незавидная судьба.

– Ладно, мне пора. Я займусь твоим мужем.

– Будь осторожен. – В голосе Алисы чувствуется беспокойство за меня.

– Обязательно.

За окном поднимается ветер. Он воет словно дикий койот. Деревья машут мокрыми ветками, напоминают стаю оголодавших призраков. Дождь хлещет по стеклу. Мерзкая погода. Поганый город.

Пора уходить. Я целую Алису, полной грудью вдыхаю аромат ее волос. Запах духов на какое-то мгновение заполняет мои легкие, всего меня, кружит голову. Я прижимаю ее к себе и не хочу отпускать. Теперь это моя женщина. От этого мне хочется скакать по лужам дурным щенком, одновременно – остаться тут до утра. Я отгоняю от себя соблазн поддаться этому желанию, прощаюсь с Алисой и Самантой и покидаю дом.

Мне пришлось загнать за бесценку свой добрый старый «Форд» знакомому автомеханику из мастерской на Стетсон-роуд. Машина пойдет на запчасти. Ведь она уже засвечена у парней Донована. Теперь на ней передвигаться – это как вырядиться в балахон ку-клуks-клана и проповедовать превосходство белых в негритянском квартале. Да и наличка нужна. Ничего, перебьемся.

Я прячу деньги во внутренний карман плаща и поднимаю воротник. Паскудная погода. От мастерской до Первого городского кладбища всего несколько сот метров. По обе стороны – глухие стены складских помещений, больничный забор, редкие фонари отражаются в бесконечных лужах.

Вот и нужное место. Я прыгаю, подтягиваюсь на руках и оказываюсь по ту сторону мира живых. Включаю фонарик и быстро пробираюсь к склепу между могилами с крылатыми ангелами и распятиями. Что-то большое и черное внезапно срывается с подножия статуи, торчащей на могиле какой-то старой ведьмы, и со стоном исчезает в ночи. Но я даже не останавливаюсь.

Скажу без ложного хвастовства: любой другой на моем месте уже обделался бы от страха. Я же к местным совам давно привык. Была у меня в прошлой жизни девочка из Белью. Красивая, как кукла Барби. Но вот ей почему-то не нра-

вилось заниматься любовью нигде, кроме этого кладбища. Не буду распространяться на этот счет. Скажу одно: хорошо, что эти мраморные ангелы не могут говорить.

Я прохожу несколько поворотов и оказываюсь в нужном месте. Здесь, в сухом теплом склепе жены бывшего начальника городской полиции, я и скоротаю остаток ночи. Место, что надо, – никто никогда сюда не ходит. Да и покойница вроде не против. Нигде мне так спокойно не спалось, как на Первом городском кладбище.

Просыпаюсь я от звонка Кейт:

– Черт побери, Роули, ты где?

– На кладбище, – честно отвечаю я.

– Не рановато ли? – язвит подруга, но я смотрю на часы и понимаю причину ее недовольства. Мы должны были встретиться пятнадцать минут назад.

– Припоздал, каюсь. Тут рядом такая женщина! От нее просто никак нельзя оторваться. – Я кошусь в сторону мраморной гробницы столетней покойницы.

В телефоне раздаются гудки. Спустя две минуты я уже на дороге. Кейт ждет в рассветных сумерках, привстав на своем мотоцикле. В старых джинсах и линялой майке она напоминает не столько стриптизершу, сколько младшую сестру, которой у меня никогда не было. Под глазами темные круги, руки дрожат.

– Значит, так. Второго шлема у меня нет, потерпишь. Будешь лапаться – сброшу к чертовой матери.

– Что, тяжелая выдалась ночка, Кейт?

– Ты даже представить не можешь, – отвечает она и остервенело срывается с места.

Мы едем в Старый город. Конечно, я мог бы и сам пойти туда прошлой ночью, попытаться расспросить девочек о том о сем. Если бы у меня не имелось мозгов. Скорее всего, их остатки были бы уже разбрызганы по стене подвала, которую никто никогда не покрасит в жизнерадостный цвет.

Поэтому я дождался Кейт. Я не соврал ей вчера, когда сказал, что меня ищут, поэтому мне и надо залечь там, куда даже полиция не сунется. Я просто не открыл всей правды. А это разные вещи. Ведь я не люблю врать.

Кейт селит меня в доме на окраине Старого города. Здесь живет Нэнси, ее подруга. Кейт нас представляет и катит домой спать. Я же начинаю делать то, зачем сюда и приехал.

Для начала я осматриваю дом от подвала до чердака. Его окна выходят на объект, который меня очень и очень интересует. Когда-то это была обычная водонапорная вышка. Но в последние лет десять-пятнадцать ее называют не иначе как Башня. Именно так, с большой буквы. О том, что там творилось, ходили легенды.

Но когда я заговорил о ней с Кейт, та со скучающим видом заявила, что ничего особенного там нет. Обычный бордель. Очень, правда, дорогой. Но на вопрос о том, не была ли она там, Кейт ответила, что она не дура, ей, мол, хочется еще пожить, и быстро ушла. Так что я нахожу старый ящик из-

под сигар, устраиваюсь поудобнее и начинаю наблюдение.

После ночного дождя над землей поднимается серый туман. Наступает самая тяжелая для бодрствования часть утра, когда сырость пробирает до костей, больше всего на свете хочется уснуть и не проснуться. Я не замечаю, как веки мои склеиваются сами собой, но вдруг просыпаюсь, как от толчка.

Лает собака. Кто-то в костюме, с фигурой, больше напоминающей букву «О», чем «Х», садится в машину возле Башни. Под мышкой у него твякает что-то мелкое, отсюда не разглядеть. Дорогой длинный автомобиль чихает и исчезает в утренней дымке.

Спустя несколько минут из дверей Башни выходит девушка и движется в сторону Старого города. Корявая неуверенная походка свидетельствует о том, что ее ноги за ночь, возможно, так ни разу и не сдвинулись. Она идет так медленно, что мне хочется выскочить из своего укрытия и подтолкнуть ее. Но я только спускаюсь вниз и останавливаюсь за дверью.

Когда проститутка равняется со мной, я понимаю причину ее медлительности. Профессиональный костюм из кожаных шорт и короткого топика не скрывает длинных алых ссадин и порезов на теле. Кое-где на них выступила свежая кровь, некоторые успели покрыться коричневой коркой. Особенно страшно выглядит внутренняя сторона бедер. На груди алеют аккуратные красные точки. Похоже, о девушку тушили сигареты. Она еле движется, каждый шаг причи-

няет ей нестерпимую боль.

Я скрежещу зубами от бессильного негодования. Какие подонки могли такое сотворить?! Но сейчас мне остается лишь тенью двигаться следом. Улицы пустынно и мертвы, но это ведь не обычный район с нормальными жителями, которые выставляют за дверь пустые бутылки, чтобы честный молочник заменил их на полные. Это Старый город, где любая девица может выстрелить тебе в глаз только потому, что ей показалось, будто ты похож на ее насильника-отчима.

Внезапно колени девушки подгибаются, она приваливается к стене и сползает вниз. Я успеваю подхватить ее под руки, пытаюсь поднять. Дохлый номер – она в отключке.

– Эй, милая! – Я легонько хлопаю ее по щекам, пытаюсь привести в чувство. – Скажи, где ты живешь? Давай я помогу тебе дойти домой. – Мне удастся поставить ее на ноги, но глаза несчастной никак не открываются.

На вид ей лет двадцать, в обычной жизни она мила, может, даже красива. Но сейчас!.. Губы распухли, на скуле наливается фиолетовым тоном свежий синяк. Похоже, бедняга под кайфом. Я шлепаю ее по щеке чуть сильнее, пытаюсь привести в чувство, но напрасно.

Глаза девушки внезапно распахиваются и фокусируются на мне. В следующее мгновение раздается крик, от которого у меня закладывает уши. Я автоматически пытаюсь зажать ей рот рукой, спустя еще мгновение слышу глухой удар. Больше ничего. Темнота.

Бесчувствие прерывается болью. Саднит все – руки, стянутые за спиной, ноги, затекшие в петлях у ножек стула. Тупо ноет затылок, по которому, похоже, кто-то здорово приложился чем-то весьма тяжелым. Таковую гору, как я, – и уложить с первого раза! Уважаю. Во рту вкус крови, скула болит. Это уже от последнего удара, приведшего меня в сознание.

– Так, ублюдок, отвечай: что тебе сделала Сэнди? Почему ты ее разукрасил, как майское дерево?

Мои кисти стянуты за спиной в кожаном подобии рукавов со шнуровкой так, что я не могу пошевелить и пальцем. Высокая валькирия в красном латексном мини наотмашь бьет меня по лицу. У нее хороший удар. Я сплевываю кровь ей под ноги, чертовски красивые, надо заметить. Их тут не одна пара. Вокруг меня собралось около полудюжины живописно раздетых и очень злых шлюх.

Теперь она бьет в живот. Железный пресс выдерживает, не дрогнув. Но вслед за этим я снова получаю отличный удар в челюсть.

– Мы будем бить тебя, пока не превратишься в котлету, в кровавое месиво, чтобы и ты, и твои дружки поняли, как надо обходиться с дамами.

Среди этого сборища я знаю только Нэнси и ожидаю от нее хоть какой-то помощи.

Она танцующим шагом подходит к моему стулу, вставляет ботинок с остро отточенным каблуком мне в промежность и шипит прямо в лицо:

– Думаешь, если ты коп под прикрытием в «Глубокой глотке» и сумел втереться в доверие к Кейт, то можешь запросто разгуливать здесь и калечить девочек?! – Каблук угрожающе движется вперед.

Я глотаю комок в горле и нарочито беспечно говорю:

– Да ты акробатка, как я погляжу. А вот с логикой у вас, девочки, слабовато. Если бы я, как вы говорите, избил ту бедняжку, неужели же принес бы ее сюда, в Старый город, на собственном горбу, чтобы красотка вроде Нэнси превратила в фарш самые нежные мои места, а?

Красная валькирия вздергивает подбородок и спрашивает:

– Доказательства где?

Нэнси чуть отодвинула ногу.

Я наконец-то перевел дыхание и сказал:

– А вы у самой девочки спросите, кто ее избил до полусмерти.

– Она еще не пришла в сознание.

– И это повод меня убить? Подождите, пока придет и расскажет. Заодно позвоните Кейт. Она меня тут спрятала от копов и от людей Джеки Донована.

Ботинок Нэнси опускается и замирает рядом со стулом. Это меня обнадеживает.

– Кстати, Нэнси, я должен покаяться перед тобой. Я не пошел спать после нашего знакомства, залез на чердак и следил за Башней. Я видел, как какое-то жирное ничтожество

уезжало оттуда утром с мелкой визгливой собакой под рукой. Минут за пять до того, как из тех же дверей вышла ваша избитая подруга.

– Кендис! – умильно пролепетала одна из девушек.

– Этого хмыря зовут Кендис? Да вы спятили, дамы! Можете меня ударить.

– Так ведь не пятница. – Нэнси не обращалась ни к кому, но все ее поняли.

Кроме меня.

– Кендис – собачка Донована. Померанский шпиц. Такой милый! Он без него просто никуда...

Я не успеваю дослушать сладкого лепета. В комнату входит Кейт в сопровождении девушки в красном латексе.

– Вы тут совсем ополоумели, что ли? Я же за него поручилась!

– Его нашли на улице с избитой до полусмерти Сэнди. Он продолжал ее бить. А когда бедняжка закричала – закрыл ей рот рукой. Я сама видела, у меня под домом. Ну и...

– А ты, Роули! Не надо было тебя с кладбища забирать – целее был бы.

– Я и сейчас могу туда отправиться. Почти готов. Можно врезать мне по морде еще пару раз, но я не настаиваю. А почему не пятница, дамы?

– По пятницам у нас праздник. – Красная валькирия многозначительно закатывает глаза и показывает пальцами ка-вычки.

Как я узнал из ее рассказа, по пятницам, в любую погоду, к Башне обычно подкатывает длинный лимузин Донована. Внутри сам Джеки и его собака. Они проходят в комнату для свиданий, отделанную очень роскошно. С кучей разных интересных приспособлений для того, чтобы один человек мог всласть поиздеваться над другим.

Кстати, я узнал, что кожаный корсет для рук, выворачивающий плечи из суставов, в который меня упаковали, называется дыба. Век живи – век учись. Спасибо, что не показали, как она работает. Девочкам, похоже, показывали.

Дважды одних и тех же девочек на свои развлечения в Башню Джеки берет редко. Он любит, когда кожа без изъяна, а после него таким похвастаться не может ни одна из местных обитательниц.

Красная валькирия расстегивает высокий ворот. Мне вдруг до дрожи хочется закурить. Вокруг шеи, по острым смуглым ключицам, корявится надпись – похоже, сделанная когда-то не очень острым ножом: «Я потаскуха».

Затянувшись и переведа дух, я вслух удивляюсь:

– Как вы его до сих пор не убили?!

– Никак. Там ты пребываешь под действием странного наркотика, заставляющего испытывать адский коктейль из животного, всепоглощающего страха и возбуждения. Верись, я стонала от удовольствия, пока он резал меня, подвешенную на дыбе. Это потом ты в течение нескольких месяцев просыпаешься от собственного крика. – Красная валь-

кирия застегивает молнию и закуривает сигаретку, вставленную в янтарный мундштук.

– Опять же, в Башне Джеки не жадный, – говорит она. – За одну ночь можно заработать столько, что хватит оплатить годовое содержание ребенка в хорошем месте. Если выживешь. Это останавливает девочек от ответных карательных мер. Ну и в-последних. Если с Донованом что-нибудь случится и следы приведут в Старый город, то нам крышка. Мы и так вынуждены бесплатно обслуживать его дружков из полицейского управления «для поддержания добрососедских отношений». Так они говорят. Уроды! Если бы кто-нибудь расквитался с Джеки Донованом, я поставила бы за упокой его души самую толстую в мире свечу. Потому что этот человек не жилец, хоть и герой.

– Эй, дамы, полегче! А почему Донован приезжал в Башню сегодня, в среду?

Кейт хмыкнула, закатила глаза и заявила:

– Похоже, ты один не в курсе, что его жена бросила. Да еще, говорят, и рога наставила. Бесится он. Так что, девочки, будьте начеку.

Тихая звездная ночь за открытым настежь окном. Влажная жара. Мы лежим на кровати после бурного секса. Приятная нега разливается по всему телу, каждая мышца расслаблена, как после хорошего массажа.

Впрочем, так оно отчасти и было. Несмотря на свое состояние, Алиса демонстрировала чудеса акробатики. У меня было ощущение, что мы сливаемся в каком-то первобытном экстазе, где нет понятий о морали, благопристойности или чопорности. Мы в другом, свободном и счастливом мире. Любое действие, которое приносит радость и удовольствие тебе и любимому человеку, здесь прекрасно и оправданно. Мне кажется, Бог придумал секс, чтобы иногда напоминать нам, что такое рай.

Голова Алисы покоится на моем плече. Я слышу стук ее сердца. Сейчас есть только мы. Два человека, которых свел случай в этом проклятом, забытом Богом городе.

После небольшого перерыва мы продолжаем. Удивительно, но после стольких побоев эта женщина способна самоотдаваться страсти. Ее стоны, уж поверьте, не от боли. Обессиленные и опустошенные, мы на какое-то время проваливаемся в блаженное забытье.

Я открываю глаза с первыми лучами солнца. Алиса лежит рядом и смотрит на меня. Знакомый момент. Почти все жен-

щины по утрам вот так пялятся на своего мужчину. Они это называют «любоваться». Мы продолжаем лежать, не произнося ни слова. Близкий человек – это тот, с кем есть о чем помолчать.

Алиса берет с ночного столика сигарету, закуривает. Белая змейка дыма поднимается к потолку. Любовница прижимается ко мне словно кошка.

Внезапно в комнату без стука заходит Саманта.

– Доброе утро. Не спите? – спрашивает она как ни в чем не бывало.

Алиса абсолютно не стесняется дочери и даже не поворачивает головы в ее сторону. Я изумленно и смущенно смотрю на Саманту, поражаясь ее бесцеремонности. Мы лежим голые. Все, что я успеваю, – прикрыть бедра шелковой простыней, которая валялась у кровати.

Видимо, у них в семье принято относиться к подобным вещам без лишнего смущения. Все-таки я старомоден в интимных вопросах.

– Тебя будто поймали на воровстве, – с улыбкой произносит Алиса. – Расслабься, Саманта тебя не съест.

В прямом смысле, конечно, не съест. Но я замечаю, с каким восхищением и интересом она рассматривает мое тело. Я, признаться, успел отвыкнуть от такого.

Ее глаза блестят. Шестнадцатилетняя девочка с восхищением рассматривает рельеф моих бицепсов, кубики на торсе. Достаточно одного женского взгляда, чтобы понять, на-

сколько она видит в тебе мужчину. То, что Саманта позитивно оценила мои физические данные, – слабо сказано. Мне не по себе от этого взрослого взгляда, хочется накрыться одеялом с головой. Такой взгляд я встречал лишь у опытных женщин, профессионалок из Старого города. Причем девушку нисколько не смущает, что рядом лежит ее мать и что мы с ней... Вы поняли.

Я покосился на Алису – ноль реакции, ни малейшей толики ревности. Лежит, прикрыв глаза. В руке догорает сигарета.

Я аккуратно беру окурок, тушу в пепельнице, не выдерживаю и спрашиваю как можно раскованнее:

– Ну что, долго еще будешь стоять? Скоро дыру на мне прожжешь.

Алиса лениво проводит пальцем по моим выступающим мышцам и протягивает:

– Ах, как ты мил в своей наивности, Роули. Ты нравишься девочкам. Пора бы привыкнуть. Тебе должно быть лестно ее внимание. Как психоаналитик говорю: то, что она заинтересовалась таким мужчиной, как ты, куда лучше, чем если бы она восхищалась женщиной. Явная гарантия, что не вырастет лесбиянкой. В последнее время в городе пороков царит увлечение однополый любовью среди молодых девушек. Похотливых самцов хватает, а настоящие мужчины в дефиците. Их понять можно, но все-таки...

Саманта улыбается и спрашивает, принести ли кофе. Она

подмигивает мне от двери и уходит. Алиса грубо притягивает мое лицо к себе и жадно целует. Моя кровь начинает быстрее бежать по венам, дыхание учащается. Что делает со мной эта женщина!

Я хочу, чтобы этот поцелуй длился и длился, но в мозгу зажигается красная лампочка. Стоп, есть куда более насущные проблемы! Нужно избавляться от Джеки.

Я мягко отстраняюсь, целую Алису в ухо.

– Хочу у тебя кое-что спросить. По делу.

Женщина приподнимается на локте и внимательно смотрит на меня.

– Короче, есть небольшая проблемка. Где можно найти баллон сжиженного газа? Лучше, конечно, два.

Дверь открывается без стука. Саманта заносит поднос с тремя чашками дымящегося напитка.

Я замолкаю, но Алиса как ни в чем не бывало продолжает начатый разговор:

– Зачем они нужны? Впрочем, тебе видней.

– Это касается нашего общего плана. – Я не хочу вдаваться в подробности при девочке, но она пьет кофе и смотрит в окно.

Алиса массирует мне плечи и произносит:

– Прекрасно. Я знала, что ты что-нибудь придумашь.

Она встает с постели, подходит к окну. Передо мной рядом стоят две идеальные женщины. Одна – красавица в пору расцвета, другая только обещает ею стать. Нет ничего совер-

шеннее женского тела, этих грациозных изгибов бедер, плеч, шеи! Моя семья.

Алиса потягивается, оборачивается ко мне и говорит:

– Я знаю, где достать баллоны. Помнишь горбуна из крематория? Он тебе точно поможет.

В моем логове в Старом городе на удивление тихо. Если, конечно, не считать периодического воя полицейских сирен где-то вдалеке. Но, проведя всю жизнь в редкостной дыре, таких звуков уже не замечаешь. Полная темнота.

Неожиданно для самого себя я проспал весь день. Хотя чему тут удивляться? Предыдущая бессонная ночь с Алисой изрядно истощила мои силы. На часах почти полночь. Пора. Я быстро одеваюсь, выхожу на улицу.

К крематорию пробираюсь на старом арендованном «Бьюике» безлюдными и темными улочками. Несмотря на поздний час, неоновые рекламы призывно светятся всеми цветами радуги. У шлюх Старого города рабочий день, точнее ночь, в самом разгаре. Мужики, залившись алкоголем, снимают приглянувшихся ночных бабочек в стрип-клубах, барах, прямо на улице. Ее величество похоть царит здесь, и никому не улизнуть от ее липких чар.

Я подгоняю машину к заднему двору крематория. В предыдущий свой визит сюда я думал, что это мое первое и последнее посещение данного заведения. Но, как говаривала моя мама, никогда не знаешь, где тебя найдет судебный исполнитель.

Уже на подходе в нос мне ударил тяжелый, прибывающий к земле запах. Лилии, ладан и что-то еще. Сладковатое, при-

торное, внушающее почти животный ужас. Смерд подгнившей плоти, замаскированный «тяжелой артиллерией» церковных ароматов.

Я прикрываю рукавом нос и краем глаза замечаю, что у джипа, припаркованного рядом, на водительской дверце опущено ветровое стекло. В салоне пусто. Будь это авто горбуна, он поставил бы его на территории крематория. Значит, у него гости.

Это меня настораживает. Подхожу к ограде, пролезаю внутрь сквозь дыру в сетке, сливаюсь с шершавой кирпичной стеной. Недалеко отсюда «Глубокая глотка». Люди Джеки Донована рыщут в поисках моей шкуры. Не исключено, что они могут прямо сейчас прочесывать ближайшие кварталы.

Я продвигаюсь к служебному входу. У мусорных баков слышен шорох и писк. Это крысы. Их тут развелось видимо-невидимо. Истреблять грызунов некому, да и плодятся они в геометрической прогрессии.

Я останавливаюсь у двери и прислушиваюсь. Внутри тишина. Дергаю ручку – дверь бесшумно открывается. В конце узкого темного коридора – лестница, ведущая вниз.

Я бесшумно спускаюсь и попадаю в комнату техперсонала. Горит ночник. На деревянном столе в углу тарелка с остатками супа. В другом – продавленный диван. Видимо, горбун здесь и живет. Незавидная судьба – всю жизнь провести рядом с мертвецами. Хотя, впрочем, от них значительно

меньше проблем, чем от живых.

Дверь в просторное помещение крематория приоткрыта. Жерло огромной печи урчит, как желудок голодного зверя. Двухстворчатый шлюз открыт, в нем мелькает адское пламя.

На транспортере стоит гроб, в нем лежит девушка, связанная по рукам и ногам. Она неподвижна. Блузка разорвана. Я замечаю идеальную, главное – хорошо знакомую силиконовую грудь. Внутри меня все холодеет: это же Кейт, черт побери!

Я еле сдерживаюсь, чтобы не сорваться с места и не побегать туда. Неужели она мертва? Я делаю глубокий вдох, считаю до трех и беру себя в руки. Спокойно, Роули, не надевай глупостей. Присмотревшись, замечаю, как грудная клетка Кейт тихонько вздымается и опускается. Жива! Но как она здесь оказалась?

Я слегка надавливаю на дверь, щель становится шире. Теперь мне понятно, что происходит на самом деле. В нескольких метрах от печи на полу лежит горбун. Его лицо, превращенное в кровавое месиво, повернуто в мою сторону. Вокруг головы растеклась большая темная лужа. Сполохи огня пляшут на крови и на лице мертвеца, придавая им некое адское подобие жизни.

Откуда-то сбоку слышны шаги. Я прижимаюсь к стене, нащупываю за поясом рукоять пистолета и кладу палец на предохранитель. К гробу, в котором лежит несчастная Кейт, подходят двое мужчин. Высокий брюнет с пижонскими уси-

ками и бритый боров, фунтов четыреста весом. Оба в темных брюках на подтяжках, белые рубашки в крови. Само собой, у каждого по «магнуму».

Я узнаю подонков Джеки Донована. За этими головорезами в городе давно ходит дурная слава садистов, готовых мать родную пристрелить, лишь бы угодить боссу.

– Эй ты, грязная шлюха, очнись! – Усатый негодяй с размаху бьет Кейт по щеке.

Девушка вздрагивает и вскрикивает от боли.

– В последний раз спрашиваем. Больше шанса ответить у тебя не будет. – Он приказывает своему напарнику: – Покажи ей, что мы не шутим.

Толстяк подходит к пульту, нажимает кнопку, и лента с гробом приходит в движение. Дикий крик Кейт разносится эхом по крематорию. Усатый делает знак, и его напарник останавливает транспортер.

– Как видишь, становится жарковато, дорогуша. Нам хорошо известно, что вы с Филом Роули близкие друзья. Не сомневаюсь также, что ты знаешь, где его искать. Боюсь, если не скажешь – тебе будет очень больно.

– Поджаришься, как пирожок с мясом, – с ухмылкой произносит толстяк.

– Сначала мы пустим ленту очень медленно. Ты будешь чувствовать, как поднимается температура воздуха, как твоя прекрасная кожа покрывается волдырями. Потом ты почувешь запах собственной жареной плоти. Нет, ты умрешь не

сразу, будешь мучиться, громко молить о пощаде.

Я больше не могу слушать эти мерзости в адрес несчастной Кейт, достаю пистолет и направляю на усатого типа. Грохочет выстрел. Он падает на пол, хватается за живот, громко стонет от боли и матерится. Я распахиваю дверь, делаю пару шагов и шарю взглядом в поисках толстого поганца. Но тот словно сквозь землю провалился.

– Фил, это ты! – облегченно произносит Кейт, приподняв голову. – Осторожно!

Едва я успеваю развернуться, как сбоку на меня налетает огромная туша и сбивает с ног. Мой пистолет отлетает футов на пять. Я не успеваю подняться, как толстяк наваливается всем весом. Похоже, я переоценил свои силы.

Мой противник оказался опытным бойцом. Он достает пистолет, но мне удается выбить оружие, и оно отлетает к противоположной стене. Мы обмениваемся ударами, но боров давит мне на грудь, не дает дышать, и я чувствую, что теряю силы. Удары ногами, коленями по почкам – все тщетно. Такое ощущение, что он сделан из железа или чистого жира.

– Этот гад меня подстрелил! – вопит усатый бандит в другом конце огромной комнаты. – Черт, как же больно! Кончай его и вези меня к врачу. Кровь хлещет, как из свиньи!

Руки толстяка все сильнее сжимают мое горло. Ни вдохнуть, ни выдохнуть. Сознание начинает мутнеть, и в этот миг я вспоминаю про нож. Изловчившись, достаю его из чехла, прикрепленного к голени, и несколько раз с силой вонзаю

борову в спину. Его зрачки вспыхивают от боли и ужаса. Он кричит, хватка слабеет.

Я сбрасываю его с себя, встаю на четвереньки, жадно хватаю воздух, поднимаюсь, делаю пару шагов к пистолету. Внезапно мою ногу кто-то с силой хватает и тянет назад. Оборачиваюсь – это толстяк. Он стоит на коленях, за ним тянется кровавый след.

– Ты куда-то собрался, Фил? По-моему, мы еще не закончили.

При каждом слове из его рта вырывается фонтанчик крови. Живучий гад! Он дергает меня еще сильнее.

Я наотмашь бью ножом по пухлым пальцам, мизинец белым червем падает на пол. Я отскакиваю и оказываюсь еще дальше от пистолета, чем раньше. Толстяк прячет раненую руку за спину и поднимается. Он стоит в нескольких футах от меня, расставив ноги. В здоровой руке увесистая труба – против моего ножика.

Внезапно раздается выстрел. Пуля свистит в дюйме от моего уха. Мы поворачиваем головы. Бандит, раненный в живот, плашмя лежит на полу. Рядом его «магнум» пятого калибра. Он хрипит. Потом тело обмякает, взгляд стекленеет.

Теперь мы с толстяком остаемся один на один. По стенам пляшут кровавые блики. Печь крематория нагревает воздух, становится душновато.

Краем глаза замечаю, как Кейт тщетно пытается освободиться от пут, осторожно делаю небольшой шаг в сторону,

где лежит мой пистолет. В то же мгновение толстяк делает выпад, целясь трубой мне в голову. Я уворачиваюсь. Мой противник, ошалевший от боли, наступает, бешено размахивая своим оружием.

Вскоре я чувствую, что уперся в щиток пульта управления. Дальше отступить некуда. Толстяк торжествующе рычит и замахивается трубой. Я проскальзываю у него под рукой и резким движением перерезаю ему подколенное сухожилие левой ноги.

Толстяк оглушительно орет, теряет равновесие и падает на пульт. Видимо, он задевает кнопку пуска, потому что лента транспортера снова начинает двигаться, увозя гроб с Кейт в пасть печи, пышущую огнем. Я бросаюсь к ней, беру на руки, стаскиваю с ленты и разрезаю веревки.

– Спасибо, Фил. – Кейт плачет, потирая затекшие запястья.

Я поднимаю свой пистолет, не спеша подхожу к усатому головорезу и носком ботинка переворачиваю его на спину.

– Этот готов.

– Он еще угрожал меня изнасиловать.

– Теперь его самого поимеют в преисподней по полной программе.

В этот момент гроб, где минуту назад лежала Кейт, въезжает в разверстое пекло. Я останавливаю ленту, спокойно подхожу к толстяку. Боров, истекающий кровью, пытается подползти к своему пистолету, лежащему у дальней стены.

За ним тянется вязкий кровавый след. Силы постепенно покидают его.

– Ну что, урод? Теперь моя очередь ставить тебе мат.

Я подкатываю к нему металлическую тележку. Видимо, на ней возят гробы с усопшими. Затаскиваю на нее толстяка, связываю ему руки, привожу к транспортеру и перекладываю его на ленту. Он сопротивляется. Я перерезаю ему сухожилие на другой ноге, после чего он ведет себя смирнее. Рядом с ним кладу и напарника.

– Не хочешь сама отправить их в печь? – спрашиваю я Кейт.

– С радостью. Счастливого путешествия в ад, мрази!

Кейт нажимает на кнопку, и лента медленно увозит в ад людей Джеки Донована.

– Нет! Я не хочу умирать! Пощадите!

Жирный боров орет, по стенам прыгают зловещие тени. Кейт злорадно улыбается. Она берет у меня нож, подходит к толстяку и вонзает лезвие ему в гениталии. Месть – блюдо, в приготовлении которого с женщинами не сравнится никто. Разве что только сам дьявол.

Кейт поворачивает ко мне раскрасневшееся лицо и говорит:

– Пора отсюда убираться, Фил. Скоро их хватятся.

– Подожди, мне нужно кое-что здесь забрать.

Я иду к неприметной железной двери в дальнем углу, открываю ее, щелкаю выключателем. В небольшой подсобке

рядами стоят здоровенные деревянные ящики. В них лежат газовые баллоны. Я кладу три штуки на тележку для гробов, и мы с Кейт покидаем это мрачное место.

У входа в крематорий припаркован похоронный катафалк. Я кладу баллоны в кузов, закрепляю их ремнями, предусмотренными конструкцией машины, усаживаю Кейт в кабину. Первый шок у нее проходит, и несчастную начинает трясти в ознобе. До девушки потихоньку доходит весь ужас произошедшего. Вряд ли она когда-нибудь могла подумать, что отправит живого человека в огонь.

Я сажусь за руль, и мы трогаемся. Меня никак не покидает вопрос: почему тут оказались люди Джеки Donovan? Как они вышли на Кейт? Если бы девушка сломалась – вполне вероятно, что в печи были бы не эти головорезы, а я сам. Видимо, они плотно сидели у меня на хвосте. Ей-богу, меня спасло только чудо. Нужно благодарить своего ангела-хранителя за то, что я все еще жив. Ну и сестренку Кейт.

Пропетляв узкими улочками, я выезжаю на широкое шоссе. Мимо проносятся машины. Мелькают неоновые огни рекламы. Теперь можно немного расслабиться. А завтра – очередь самого Джеки отправиться в ад.

Вдруг раздается пронзительный вой полицейской сирены. Я смотрю в зеркало заднего вида – на хвосте машина копов. Она приближается и таранит мой катафалк. Скрежещет металл. Я чуть не теряю контроль над управлением.

– Фил Роули, приказываем вам остановиться или мы бу-

дем вынуждены применить оружие! – кричит коп в громкоговоритель.

Я опускаю стекло, вытягиваю руку и показываю средний палец. Звучит выстрел, и заднее стекло покрывается мелкими трещинами. Я приближаюсь к перекрестку, резко торможу, разворачиваюсь на сто восемьдесят градусов и мчусь в обратную сторону. Маневр занимает несколько секунд. Копы неповоротливы.

Это дает мне небольшую фору во времени. Но все равно оторваться не выходит. Катафалк мало приспособлен к ночным гонкам. Копы висят на хвосте. Расстояние стремительно сокращается.

Их машина пытается прижать меня к тротуару. Черт, вот сволочи! Теперь все понятно. Донован пустил по моему следу копов. Видимо, они и нашли горбуна вместе с Кейт. А потом за дело взялись бандиты.

Наши машины мчатся дверца к дверце. Вижу в окно, как коп достает пистолет и направляет ствол в мою сторону. В салоне их всего двое: водитель и этот, с оружием. Я давлю педаль газа до упора и вырываюсь вперед на пару десятков футов. Нужно что-то придумать – на такой колыхаге я от них не отделаюсь.

Звучит несколько выстрелов, и катафалк начинает вилять по дороге из стороны в сторону.

– Кейт, пристегнись!

Девушка перепуганно защелкивает ремень безопасности.

Я тоже успеваю сделать это за мгновение до того, как машина влетает в столб со светофором. Мы выползаем из машины. Кровь льется у меня из разбитого носа и лба. Эти чертовы подушки безопасности, конечно же, не сработали! Кейт отделалась несколькими ссадинами.

К нам тут же подбегают копы и наставляют на меня стволы. Я замечаю, что им очень хочется пристрелить нас прямо сейчас. Более того, именно за этим их и послали.

Я не успеваю опомниться, как Кейт бросается на ближайшего полисмена. Тот выпускает в нее чуть ли не всю обойму. Пользуясь моментом, я подскакиваю к нему, выхватываю пушку и мгновенно кладу обоих, используя остаток патронов.

Только сейчас я чувствую, что мне задела плечо. Ничего страшного. Бросаюсь к Кейт. Она лежит на тротуаре, влажном после дождя. Пули попали ей в живот и грудь. Она стонет от боли. Светлая блузка пропитывается алой кровью. Я знаю, что ее уже не спасти.

Девочка, прости! Младшая сестра, которой у меня никогда не было. Я не смог тебя защитить, но обязательно отмщу Доновану за твою смерть.

Я добираюсь до своей комнатки в Старом городе, достаю аптечку, сажусь на кровать и зализываю раны. На душе поганно, как никогда. Забота о теле отвлекает меня. Я раскладываю на столе перекись водорода, бинты, йод и прочие подобные мелочи. Иной раз в «Глубокой глотке» я так разбивал костяшки о лбы клиентов, что с трудом разгибал кулак.

Я стою у зеркала – губа разбита, кровоподтек под глазом, пара царапин на лбу. Мелочь, могло быть хуже. На плече след от пули. Повезло, прошла по касательной. Внезапно раздастся стук в дверь. Я хватаю пистолет, прислоняюсь к стене у входа.

– Кто там?

– Это я, Саманта. Открывай.

Я набрасываю первую попавшуюся рубашку, поворачиваю ключ в замке. Девушка уверенно заходит, оглядывается. Что она здесь делает? Юная красавица в Старом городе, этом логове разврата?

Она смотрит на мое удивленное лицо и говорит:

– Успокойся. Ничего тут со мной не случится. Я пришла посмотреть, как ты. Вижу, досталось. Есть серьезные раны?

– Ай, пустяки.

– Дай я все сделаю. Садись.

Я обескураженно присаживаюсь на край кровати. Саман-

та начинает со знанием дела обрабатывать раны на моем лице.

– Что ты тут делаешь? – спрашиваю я.

– Переживаю за тебя. Ты теперь моя семья. Мой долг заботиться о тебе, любить тебя не меньше, чем моя мама.

Я шокирован. Саманта застала меня врасплох этим откровением. Даже не знаю, как реагировать на ее слова.

– А ты, кажется, не впервой ухаживаешь за ранеными. Сколько тебе лет, дитя?

– Не поверишь. Восемнадцать, папочка. А насчет перевязки не бойся. У меня был парень в школе, жуткий драчун. Приходилось на нем отрабатывать навыки медсестры. Сними рубашку.

Я сижу с обнаженным торсом, чувствую, как она нежно и осторожно промывает рану, дезинфицирует порезы на спине. Ее нежные пальцы скользят по моей коже. Она медленно проводит ладонью по спине, дышит неровно и жарко. Как-то все это двусмысленно и немного стыдно. Словно девчонка заигрывает со мной...

Нет, что это я. Совсем помешался – такое бывает после стресса. Адреналин, все прочее. Она просто оказывает помощь. Обработав раны, Саманта принимается перевязывать бинтом мое плечо.

– Да, насчет того, зачем я пришла. Хотела предупредить, что папа послезавтра будет в Башне. Я случайно подслушала, когда он разговаривал по телефону. Еще мама просила

передать, что завтра ждет тебя на старом теплоходе.

День проходит в мучительном ожидании встречи с Алисой. Наконец наступает вечер, в небе вспыхивают миллиарды звезд. Я поднимаюсь по деревянному трапу на палубу теплохода. Та же каюта – свечи, бутылка вина на столике, широкая кровать с белоснежной простыней. Алиса уже лежит в постели, полностью обнаженная, судя по очертаниям под тонкой тканью.

– Иди ко мне, Фил. Не могу больше ждать.

Я срываю одежду, бросаюсь на кровать, и мы принимаемся исступленно, жадно ласкать друг друга. Любовь затягивает нас в воронку темной страсти. Это как другой мир – без людей, интриг и грязи. Мир чувственности, дерзости и неги, когда поцелуи жалят, как пули, а укусы сладки, как сочные пряные плоды. Мир, в котором я полноправный повелитель нежнейшей кожи и самых податливых губ, которые знал. Мир для нас двоих.

Мы наслаждаемся друг другом всю ночь. Я смотрю на Алису. В косых лучах рассвета ее длинные волосы вспыхивают золотыми нитями, влажные губы блестят, в глазах еще мерцает искорка безумной страсти.

– Знаешь, Фил, мы идеальная пара. Мы просто обязаны быть вместе всю оставшуюся жизнь.

– Согласен.

– Жаль, что это лишь короткое свидание. Пока что. А вот когда ты избавишь меня... и весь Бейсин-сити от моего муженька, этого подонка и садиста Джеки Донована, мы будем счастливы каждый день.

– Не беспокойся. Завтра все будет сделано.

– Я люблю тебя! – Алиса обнимает и целует меня, потом отстраняется, заглядывает в глаза и говорит: – Я уже представляю, как все будет потом. Я единственная наследница миллионов Джеки. Так что беспокоиться о деньгах – это не про нас. Захочешь, сделаем тебя губернатором, шерифом, главой мафии. Что пожелаешь. А хочешь, уедем отсюда на какой-нибудь безлюдный остров, где будем только мы с тобой. Ну и прислуга.

Мне немного не нравится, что Алиса поднимает тему наследства. При чем здесь деньги, если я все делаю ради любви?

– Дорогая, забудь про деньги. Они всегда все портят. Да и уезжать никуда не нужно. Если кто-то родился в городе пороков, то просто обязан в нем и умереть.

– Как скажешь, Фил. – Алиса кладет голову мне на грудь и нежно поглаживает рукой по животу. – Я очень волнуюсь по поводу завтрашней операции. Хотелось бы, чтобы она прошла без накладок. Ты все хорошо продумал? Может, нужна моя помощь?

– Не беспокойся, план идеальный, иначе я не брался бы за него. Из Башни ему не выбраться живым.

Я целую Алису в лоб, чувствую свою ответственность за жизнь и будущее этой женщины и ее дочери Саманты. Нет, нашей дочери.

– Я знаю, чем могу помочь. Буду ждать тебя за рулем фургона неподалеку от Башни, заберу сразу, как только ты покидаешь с Джеки.

– Хорошо. Так и сделаем.

Наступает решающая ночь. Девочки из Старого города приводят меня в Башню заранее, до того, как туда заявится Джеки, чтобы заняться жестокими играми. Я занимаю небольшую каморку по соседству с пыточной, обитой шелками и резиной, где Донован развлекается с очередной шлюхой, жадной до денег.

Я заношу в комнатку баллоны с газом, замечаю секретное отверстие в стене, приникаю к нему и вижу то, чего никогда раньше не замечал. Ну, разве что в порножурналах для озабоченных онанистов.

Комната оснащена садомазоинструментами по полной программе. К дальней стене прикреплен большой Х-образный крест с ремнями. Видимо, это для вечеров, когда Джеки хочется почувствовать себя римским легионером, распинающим свою жертву. На столике рядом разложено множество разнообразных игрушек и аксессуаров. Плетки, кнуты, кляпы, латексные маски, натянутые на головы манекенов, фаллоимитаторы, кожаные ошейники с шипами. В углу стоит угрожающего вида дыба, прямо как в кино про ведьм. Вот только здесь растягивают суставы не старым хрычовкам, а аппетитным цыпочкам. И главное, ведь эти несчастные знают, куда идут. Мне этого не понять.

В моей каморке царит полумрак. Она наполовину завале-

на коробками, швабрами, ведрами. Вероятно, здесь складывает свой инвентарь техперсонал. Та еще у них работенка.

Внезапно с лестницы долетает шум открывающихся дверей, пьяные голоса, шаги. Я припадаю к глазку в стене. Пара охранников осматривает комнату, затем туда вваливается пьяный в стельку Джеки. В одной руке – мерзкая маленькая собачонка, другой он тянет за собой Нэнси.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.